

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI ВЕКОВ

УДК: 82-6

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-92-99

К ВОПРОСУ ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЯХ В ЭПИСТОЛЯРИИ РУССКИХ КЛАССИКОВ XIX ВЕКА: В. А. ЖУКОВСКИЙ И К. Н. БАТЮШКОВ

Е. А. Вишнякова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Исследование посвящено актуальной проблеме современной гуманитаристики – рассмотрению полилингвизма наследия классиков русской литературы XIX в. Задача исследования – выявление особенностей функционирования иноязычных вкраплений в эпистолярной поэзии поэтов эпохи романтизма. Иноязычные вкрапления в их переписке выступают важной характеристикой поэтики, которая до настоящего времени не привлекала специального внимания ученых. Цель статьи – выявление и сравнительное сопоставление иноязычных вкраплений в эпистолярной прозе В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова в контексте биографии и литературного творчества авторов. Делается вывод о том, что К. Н. Батюшков использует преимущественно латинские и итальянские вкрапления для инкорпорирования интертекстов романской культуры, самоидентификации и аутентификации партнера по переписке, в диалоге поэта с Н. И. Гнедичем эти вкрапления образуют особый коммуникативный код. В эго-документах В. А. Жуковского преобладают немецкоязычные вкрапления, которые выполняют схожую роль, выражая важнейшие философско-эстетические концепты романтизма.

Ключевые слова: *иноязычные вкрапления, эго-документы, эпистолярный, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, мультилингвизм русской литературы.*

Актуальность настоящего исследования иноязычных вкраплений как особой формы поэтики и вида литературного мультилингвизма в наследии русских классиков определяется углубившимся интересом мировой гуманитарной науки к диалогу культур и транслингвальным тенденциям в истории и современности отечественной и зарубежной литературы.

Иноязычные вкрапления становились предметом исследования лингвистов и переводоведов, однако специального внимания науки о литературе не привлекали, монографических исследований этого типа языкотворчества в наследии того или иного автора в отечественной гуманитаристике не обнаруживается.

Целью статьи является сравнительное исследование иноязычных вкраплений в письмах В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова как стратегий литературного мультилингвизма.

Эпистолярное наследие В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова было выбрано для сравнительного анализа неслучайно. Оба – поэты одной плеяды, стоявшие у истоков романтизма в России. Благодаря их переводческой деятельности на почву русской словесности были перенесены произведения французской, итальянской, английской и немецкой литератур.

Иноязычные вкрапления (ИВ) стали формой литературного полилингвизма, продуктивной в эпи-

столярном дискурсе русских классиков XIX в. Эпистолярный стал тем пространством, в котором авторы создавали программные тексты, позднее напечатанные в качестве литературных и литературно-критических. Дружеское письмо приобрело статус литературного факта, чтобы сыграть свою историко-литературную роль [1], повлиять на формирование норм литературного языка. Во многом причиной «этого буйного процесса» возрастания роли ИВ стало «непосредственное общение с культурным наследием Западной Европы» [2, с. 17]. Результатом активных контактов русской дворянской элиты с французской культурой стало явление русско-французской диглоссии, достаточно подробно исследованной в отечественной и зарубежной науке. Вслед за многими учеными авторы отделяют литературный мультилингвизм, одним из разновидностей которого являются ИВ, от диглоссии. Они являются феноменами разного порядка, так же, например, как литературный быт и классическая словесность.

Долгое время Жуковский и Батюшков¹ были незаслуженно забыты в литературоведении. Однако

¹ Осмысление литературного наследия поэтов пушкинской поры является, на взгляд авторов, нерешенной и потому одной из ключевых проблем отечественной гуманитаристики. Формирование корпуса литературных, критических, переводных текстов, эго-документов и, как следствие, издание академического полного собрания сочинений и писем каждого автора могло бы стать приоритетной исследовательской задачей.

благодаря усилиям томской школы жуковсковедения в рамках подготовки полного собрания сочинений и писем поэта вышло два тома его дневников [4, 5] и готовятся к изданию шесть томов писем. На родине К. Н. Батюшкова, в Вологде, по инициативе сотрудников Череповецкого государственного университета создано «Батюшковское общество», цель которого заключается в изучении, сохранении и популяризации литературного наследия поэта. В 2002 г. был выпущен сборник научных трудов «Батюшков. Исследования и материалы» [6], в котором обозначены актуальные проблемы изучения творчества поэта. Несмотря на активный сбор архивных материалов и их научное осмысление, полным собранием сочинений К. Н. Батюшкова на сегодняшний момент остается издание его сочинений в двух томах, во втором томе которых представлены записные книжки и письма [3].

Языковые биографии Жуковского и Батюшкова обнаруживают целый ряд типологических сходств. Помимо французского языка, которым Жуковский и Батюшков владели в совершенстве, оба поэта изучали немецкий, итальянский, латинский и английский языки. Жуковский в семилетнем возрасте пишет матери: «Еще скажу Вам, что я перевожу с немецкого и учусь ружьем...» [7]. Батюшков в 14 лет пишет отцу: «Я продолжаю французский и итальянский языки, прохожу итальянскую грамматику... продолжаю учиться немецкому языку и перевожу с французского на оный» [3, с. 62]. Так, оба автора активно использовали в своем творчестве стратегии мультязычия. Вышеперечисленные языки встречаются в переписке, однако функциональные сферы языков различны.

Магистральные связи В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова с европейской культурой были обстоятельно изучены в работах Н. Е. Никоновой [8] и И. А. Пильщикова [9] соответственно. Авторы, привлекая материал литературных текстов, переводов и эпистолярия, убедительно доказали доминантную роль итальянской культуры в художественном мировоззрении Батюшкова и определяющее влияние германской словесности на Жуковского – поэта, прозаика, педагога.

И. А. Пильщиков справедливо указывает на особый статус итальянского языка в эпистолярной Батюшкова: «...итальянские и латинские вставки играют в батюшковских письмах принципиально иную роль, нежели французские» [9, с. 91], а также отмечает насыщенность текстов писем интертекстуальными вставками из античной и итальянской литературы (Вергилий, Т. Тассо, Л. Ариосто), подробно на них не останавливаясь.

Следует заметить, что латинский язык, хотя и является мертвым, оказывается продуктивен в эпистолярной поэзии и обнаруживает различные функ-

ции. Так, К. Н. Батюшков противопоставляет латинский язык французскому: «Латинский язык есть ключ ко всем языкам и ко всем сведениям» [3, с. 383], тем самым постулируя его особую художественную, культурную и образовательную ценность. В письмах Батюшкова выявляются следующие латинские вкрапления: *PS, ibid, in naturalibus, ergo, dixi, subito*, к которым добавляются итальянские *a proposito* и *pian-pianino*. Думается, их необходимо рассматривать в качестве «„общего поля“ интернациональных научных понятий» [10]. По словам Ю. К. Воробьева, «латынь естественным образом, постепенно передавала свои функции русскому языку. Этот естественный, общий для Европы переход науки на национальные языки имел конструктивный характер, он позволил сформировать общенаучную и отраслевую терминологию» [10]. Эпистолярный послужил естественной средой, которая позволила реализовать этот переход.

Наибольшее количество вкраплений на латинском языке (25) встречается в письмах К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу. По замечанию С. А. Кибальника, «переписка Николая Гнедича с Константином Батюшковым – один из самых ярких документов по истории дружбы в пушкинскую эпоху» [11]. Так, самым многочисленным типом латинских вкраплений являются формулы приветствия: *vale, vivat, salve*, как правило, завершающие композицию письма. Кроме того, дважды встречается ироническая концовка «*Vale et me ama*»¹ и «*Vale et potimus*»² и итальянское «*Addio, ben mio!*». Аналогичную коммуникативную стратегию можно наблюдать и в письмах В. А. Жуковского. Так, в письме от 1822 г. Жуковский пишет Гнедичу: «Люди уверяют, что я перевожу «Энеиду»; а я просто учусь по-латински и, чтобы затверживать слова, перевожу из «Энеиды» отрывки. *Vale*» [12]. Думается, этот прием не случаен. Латынь в дискурсе обоих классиков становится репрезентантом античной литературы, актуализируя образ знатока древних языков и переводчика Гнедича. Помимо Гнедича латинские иронические обращения (*Canis*, т. е. «собака»³) встречаются в письме Батюшкова к В. В. Капнисту. Соглашаясь с мнением исследователей о функции латинских вкраплений как средстве оттачивания авторского слога, необходимо отметить, что в данном случае латынь приобретает функцию концептуализации адресата. Ту же функцию в батюшковском эпистолярном письме выполняет английский язык. Батюшков считал его неблагозвучным, становящимся «в устах мореходцев еще более грубее...» [3, с. 292], и ассоциативно связывал

¹ «Будь здоров и люби меня».

² «Будь здоров и выпьем».

³ Латинское *canis* также имеет значение «седой», что в корне меняет модус высказывания. – Е. В.

его с лордом Байроном. Так, в 1824 г. он пишет уже умершему Байрону: «*Прошу вас, Милорд, прислать мне учителя английского языка, когда я буду обитать снова в Москве. <...> Желая читать Ваши сочинения в подлиннике...*» [3, с. 587].

Многочисленные латинские вкрапления-афоризмы и крылатые выражения сопровождают «гомеровский колорит» писем Батюшкова, сравнивающего свою жизнь с Одиссеей, «которая скучна и неприятна в иное время, а в другое довольно забавна» [3, с. 263]. Так, например, из побежденного Париза в 1814 г. поэт в письме Д. В. Дашкову, сравнивая собственные впечатления («*преlestные ноги прелестных женщин в мире*») с мыслями английского генерала («*русские гренадеры*»), пишет: «*De gustibus non disputandum*»¹ [3, с. 279].

Латинские вставки-афоризмы и итальянские интертекстуальные вставки в письмах К. Н. Батюшкова реализуют также функцию самоконцептуализации. О себе поэт пишет: «*И умирая, буду твердить: moriatur anima mea mortem philosophorum*»² [3, с. 426], а по пути в Швецию приводит капитану корабля цитату из 24-й строфы 15-й песни поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»: «*...Tu, che condutti / N'hai... in questo mar che non ha fine, / Di, s'altri mai qui quinse; e se più avante / Nel mondo ove corriamo have abitante?*»³ [3, с. 292]. Обращение к фигуре Тассо неслучайно в эпистолярной Батюшкова. Фигура итальянского поэта стала ключевой для Батюшкова, впрочем, как и для Жуковского. По замечанию Н. Е. Никоновой, «*эпическое творчество и личность Тассо также получают самые серьезные критические оценки арзамасцев, однако неотделимо от русской литературы: с ним сравнивают Жуковского и Батюшкова*» [13, с. 31]. Итальянские вкрапления усиливают эмфатическую окраску, выступая в форме восклицаний, междометий, императивов и вопросительных слов, например, «*Andante!*», «*Basta!*», «*quell benedetto*», «*perchè?*».

В эпистолярной Батюшкова находим письма, в которых латинские и итальянские вкрапления обладают особой смысловой и функциональной нагрузкой. В письме 1809 г. Н. И. Гнедичу рефреном звучит вопрос: «*Что значит ex fulgore*»⁴?. Латинское вкрапление разделяет текст письма на три смысловые части, в результате чего осуществляется переход к разным модусам. Так, например, презрительно-иронический пафос на фоне неудавшегося личного счастья: «*Когда так, то положи палец в рот (мизинец), зажми левую ноздрю, вытяни*

шею, плюнь – и все тут» [3, с. 101] сменяется скорбным сообщением о кончине приятеля Батюшкова, А. П. Беницкого, и размышлением о смерти. За просьбой прислать литературный сборник «Цветник» следует саморефлексия: «*...у меня камин погас, а на дворе стужа*» [3, с. 101]. Наконец, третье вкрапление в заключении письма обозначает исключительно бытовые компоненты: «*...купи что-нибудь... на шею для Вареньки...*» и «*...кресты отправь, извинись перед Лагардом*»⁵...». Так, языковая игра, реализованная при помощи латинской вставки, указывает на противопоставляемые поэтом модусы и подчеркивает переход от «высокого» к «бытовому».

Письмо Батюшкова Гнедичу 1810 г. открывается четверостишием из седьмой песни рыцарской поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд» «*Chi va lontan da la sua patria, vede / Cose, da quel che già credea, lontane; / Che narrandole poi, non se gli crede, / E stimato bugiardo ne rimane*»⁶ [3, с. 143]. Батюшков отвечает на письмо Гнедича о происшествии, произошедших с ним по пути из Малороссии в Петербург, и выносит итальянскую цитату в начало письма. Ключевыми становятся слова «*Che narrandole poi, non se gli crede, / E stimato bugiardo ne rimane*», которые Батюшков сразу поясняет: «*то есть: ты лжешь, как француз, путешествующий по России*» [3, с. 143]. «Обвинение» поэт строит при помощи параллельных конструкций, сопровождающихся тремя вопросительными знаками в скобках. Так, интертекстуальная вставка приобретает конститутивную функцию и становится своеобразным эпиграфом.

Роль романской (и античной) словесности ярко выразилась в эпистолярной Батюшкова, практически не оставив места другим лингвокультурам. Среди немецких авторы обнаружили лишь два ИВ. Во-первых, в письмах к П. А. Вяземскому встречается реплика из пьесы И. В. Гёте «Торквато Тассо», которую Батюшков относит к В. Л. Пушкину: «*Tröstlich / Ist es für uns den Mann gerühmt zu wissen, / Der als ein großes Muster vor uns steht*»⁷ [3, с. 418]. Во-вторых, в письме к В. А. Жуковскому находится цитата из романа Мины (роман Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера»). Таврида, куда собирался Батюшков, приобретает в письме поэтическое определение «*wo die Citronen blühen*», противопоставляясь «трескучим морозам» России. Сам Жуковский в письме к Александре Фёдоровне

⁵ Французский эмигрант, граф де Лагард, служил в одном батальоне с К. Н. Батюшковым.

⁶ «Тот, кто удаляется от своей родины, видит то, что мнилось ему издавна, но во что он потом, рассказывая, и сам не верит и почитает лжецом».

⁷ «Утешительно нам знать, что славят того человека, который служит нам образцом».

¹ «О вкусах не спорят».

² «Душа моя да умрет философскою смертью».

³ «Заведя нас в это море, не имеющее пределов, скажи, заходил ли сюда уже кто-нибудь и обитаем ли мир впереди?»

⁴ «Из пламени».

1838 г. этой же цитатой обозначает «прекрасное» итальянское озеро Комо: «И теперь, если кому-нибудь вздумается спросить у одного из нас: kennst du das Land wo die Citronen blühen? то он может решительно отвечать: ja, mein Herr, ich habe diese Ehre» [14]. Так оба поэта-романтика, используя немецкий интертекст из Гёте, придают романтический ореол пейзажу, «расширяя ландшафтное пространство» [15, с. 133].

Если в письмах К. Н. Батюшкова центральное место занимают итальянские и латинские вкрапления, то в эго-документах В. А. Жуковского такую роль выполняют немецкоязычные вкрапления. Важнейший для исследования корпус текстов составляют дерптские письма-дневники романтика 1814–1815 гг., отражающие один из самых драматичных периодов в жизни Жуковского – расставание с М. А. Протасовой. Первое из 14 вкраплений, находящихся в указанном цикле текстов, представляет заголовок баллады 1814 г. К. М. Виланда «Der Mönch und die Nonne» («Монах и монашка») и находится в записной книжке поэта в рубрике «Сочинения». В этом разделе также указаны труды, которые, очевидно, Жуковский собирался прочесть. Среди этих сочинений встречаются как русскоязычные, так и иноязычные названия, которые поэт сохраняет в исходной транскрипции, например, «Art poétique» и «Eloïsa to Abel(ard)».

Второе произведение также представляет собой сочинение Виланда: «Сократ беснующийся, или Диалоги Диогена Синопского» («Sokrates Mainomenos, oder die Dialogen des Diogenes von Synope», 1770). Увлечение Жуковского Виландом относится к раннему периоду творчества поэта и приходится на начало 1800-х гг. Записи, сделанные в письмах и дневниках поэта, свидетельствуют о том, что его интерес к вопросам внутреннего развития и совершенствования обусловил выбор именно этих произведений немецкого просветителя. Так, в личной библиотеке В. А. Жуковского имеется 43 тома произведений К. М. Виланда. 29 июня 1814 г. в дневнике появляется запись: «Diogenes von Sinope». В это время поэт следует в Дерпт за семейством Протасовых. В один из самых драматичных периодов своей жизни он вторично обращается к данному сочинению. По словам Н. Б. Реморовой, это произведение «...задевает глубоко личные струны сердца, заставляя вновь и вновь думать о предрассудках, вставших на пути его личного счастья» [16, с. 96].

Особый тип интертекстуальных элементов в письмах Жуковского, как и Батюшкова, представляют цитаты из произведений европейских классиков. Запись от 21 июня 1814 г., в которой выражен крах надежд на счастливое воссоединение с возлюбленной, Жуковский завершает цитатой из седь-

мой песни поэмы «Оберон» К. М. Виланда под названием «Lass mich», которое является своего рода квинтэссенцией отношений поэта и М. Протасовой: «Die Wunderhand, die uns bisher umgab; / Lass sein das Jahr um Jahr sich ohne Hülferneue / Fern sei es das mich je, was ich gethan, gereue! / Und läge noch die freie Wahl von mir; / Mit frohem Muth ins Elend folgt'ich dir!»¹ [4, с. 76].

Строка «Ein einziges Augenblick kann alles umgestalten»² [4, с. 75] повторяется дважды: впервые в послании М. Протасовой, во второй раз – в письме самого поэта. В обоих случаях в эту фразу вкладывается надежда на счастливое совместное будущее. Неоднократное обращение к Виланду в конкретном временном отрезке видится симптоматичным, концептосфера его поэтического творчества оказалось способной выразить смыслы, актуальные для Жуковского на данном этапе.

После расставания с М. Протасовой немецкий интертекст привлекается Жуковским в 1819 г. в период увлечения графиней С. А. Самойловой. Поэт преподнес ей экземпляр И. Г. Б. Дрезеке «Вера, любовь, надежда», к которому приложил немецкую Библию. Запись, зафиксированная в альбоме графини 17 сентября, является руководством «в чтении других книг и добрым, верным товарищем на всю жизнь» [4, с. 134]. Описание книги поэт завершает цитатой из лирической пьесы Ф. Шиллера «Die Huldigung der Künste» («Приветствие искусств»): «Wisser, ein erhabner Sinn / Legt das Grosse in das Leben / Und er sucht es nicht darinn»³ [4, с. 134]. Пьеса, премьера которой состоялась 12 ноября 1804 г. в Веймарском театре, была написана Шиллером по просьбе Гёте в честь венчания Марии Павловны и великого герцога Карла Фридриха. Целью произведения было прославить юную герцогиню. По сюжету «звезду с Востока» приветствуют семь видов искусства: архитектура, скульптура, живопись, драматическое искусство, музыка, танец и поэзия, – облагораживающие человека. Жуковский особое внимание уделяет фразе: «Legt das Grosse in das Leben». Мысль о «великом» в письме к С. А. Самойловой представляет собой духовное назидание: «Жизнь есть училище, в которое душа входит младенцем, из которого должна выйти возмужалюю и созревшею» [4, с. 134]. Эту цитату Жуковский использовал и в 1817 г. в письме к А. А. Воейковой, размышляя о своем положении после расставания с М. Протасовой.

¹ «Чудотворная рука, доселе хранившая нас; / Пусть год идет за годом, не принося облегчения, / Я не раскаиваюсь в том, что я сделал! / И если бы у меня был свободный выбор, / Я радостно сопрождал бы тебя и в нужде».

² «Одно мгновение может все переменить».

³ «Знай же, что возвышенный дух / Вкладывает великое в жизнь / И не ищет его там».

Вкрапления-интертексты, заимствованные из поэтических сочинений немецких классиков литературы, активнее всего используются Жуковским в эпистолярном диалоге с близкими ему женщинами, при этом функционально-смысловая нагрузка этих вкраплений всегда связана с онтологическими вопросами о самосовершенствовании, духовном самостоянии, воспитании. Немецкий язык в системе ИВ эпистолярного дискурса Жуковского приобретает важнейшее философско-эстетическое значение. Разъясняя цель женского чтения, Жуковский пишет: «нужно только приобрести то, что на немецком языке так прекрасно называется *Weiblichkeit*¹ и для чего нет еще выражения в языке нашем» [4, с. 136]. Далее поэт поясняет, какие качества составляют это понятие: «...простота, неискренность глубокого чувства, просвещенного знанием; знакомство со всем, что есть лучшего в природе и в обществе; богатство сведений не для блеска, но для скромного внутреннего наслаждения, для мирного, я бы сказал, стыдливого сияния посреди немногих, ей принадлежащих любовию» [4, с. 136]. Как известно, мистический и дорогой сердцу женский образ стал одним из организуемых в творчестве Жуковского и определил развитие русской поэзии. В частности, идея Вечной Женственности воплотилась в творчестве А. А. Блока. Так, А. С. Барбачаков отмечает, что, как и у Жуковского, «философская идея Вечной Женственности у Блока получает характерную интерпретацию в рамках романтического мировидения, где Прекрасная Дама носит вполне индивидуальный земной характер, не воспринимается только как идея и сходит она к поэту, а не ко всему человечеству» [18, с. 25].

Немецкие вкрапления Жуковского, как и итальянские интертексты в переписке Батюшкова, маркируют саморефлексию мировоззренческого толка в автокоммуникативной стратегии поэтов. Так, Жуковский размышляет о своей жизни, придя к выводу о том, что «жил совершенно противным образом тому правилу, которое предлагает Гёте» [4, с. 122]. Воспитание и обстоятельства привели к несоответствию собственных жизненных устоев понятию «Ernst», написанному по-немецки. В дневниках 1816 г. Жуковский цитирует «Годы учения Вильгельма Мейстера» И. В. Гёте. Свои рассуждения о том, с чего начать жизненные изменения, Жуковский подкрепляет еще одной цитатой из первой главы седьмой книги романа. По сюжету Вильгельм, направляясь в Лотарию, встречает на своем пути лютеранского пастора, с которым прежде совершил прогулку по реке. На вопрос священнослужителя о местонахождении трупы Вильгельм отвечает, что почти ничего не помнит о

той поре. Жуковский цитирует ответные слова пастора: «*Das sicherste bleibt immer: und das nächste zu thun was vor uns liegt*»² [4, с. 122]. Ключевой фразой для Жуковского становится «*das nächste zu thun was vor uns liegt*». Для него ближайшее – это «...шаг вперед. Надобно знать свою дорогу и знать, что при конце дороги» [4, с. 122].

Немецкий язык в эго-документах Жуковского представляет и экзистенциальные установки, которые поэт дает себе для гармоничного развития, самосовершенствования и определения собственного пути. Краткие записи о проведенном дне 26 сентября 1819 г. сменяются глубокомысленным: «*Fest zusammenhalten was Gott und die Umstände zusammengefügt haben; kindliche Pflichten erfüllen; der äussern Welt geben was sie fordern kann; nicht zurückrufen was vergessen sein soll, dieses ist für dich der Weg des Friedens*»³ [4, с. 131]. За весь 1819 г. это единственное вкрапление на немецком языке, однако его прагматика видится программной. Ключевым понятием здесь становится «*der Weg des Friedens*». Несмотря на то что в немецком языке существительное «Frieden» рассматривается главным образом в бинарной оппозиции «Krieg» – «Frieden» («война» – «мир»), все же думается, что Жуковский старается отойти от этого противопоставления, используя его в значении «покой». «*Der Weg des Friedens*» становится определенной моделью жизнеустройства, в которое встраиваются соединение духовного и жизненного начал, сыновнего и общественного долга, а также запрета на воспоминание о былом.

В целом мышление аутентичными философскими понятиями, концептами, категориями жизнеустройства на немецком языке и их выражение на страницах дневников и писем является отличительной особенностью языкового континуума поэта. Середина 1810-х гг. знаменуется постепенным отходом от доминирования французского языка и обращению к немецкому, что в итоге привело к «возникновению и реализации замыслов, ставших событиями в русской литературе на иностранных языках» [19, с. 105].

Обращение к классикам немецкой литературы, религиозным и историческим деятелям, в ключевые моменты жизни указывает на то, что немецкий язык в эго-документах первого русского романтика обладает особым статусом. Цитирование сентенций из произведений Шиллера, Гёте, Виланда – это обозначение литературной связи нового литератур-

² «Самое верное остается всегда, а ближайшее – делать то, что перед нами».

³ «Крепко хранить то, что соединили Бог и обстоятельства; исполнять сыновние обязанности; давать обществу то, что оно может требовать; не вызывать воспоминания о том, что должно быть предано забвению, – это для тебя путь мира».

¹ Женственность.

ного метода и деятеля, представившего немецкий романтизм в России. По словам А. С. Янушкевича, «чтение этих сочинений уже не было ученическим и прикладным. Оно носило выборочный характер и было непосредственно связано с эстетическим самоопределением Жуковского» [20, с. 144].

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, анализ ИВ в эпистолярном наследии Батюшкова и Жуковского позволил значительно расширить представление о языковой биографии этих авторов. Во-вторых, по итогам проведенного анализа в опубликованных письмах Батюшкова было обнаружено два вкрапления на немецком языке, 25 – на итальянском и 36 – на латинском языке. В эпистолярной прозе Жуковского находится 47 английских вкраплений, 54 итальянских, 224 латинских и 382 на немецком языке, в дневниках имеется 20 английских, 350 итальянских, 339 немецких вкраплений. Эти результаты подтверждают гипотезу о тяготении классиков к определенной иноязычной литературе. В переписке Батюшкова 36,5 % от общего количества ИВ занимают интертекстуальные вставки на итальянском и

латинском языках. Эпистолярный Жуковский, напротив, демонстрирует меньшее количество интертекстуальных вкраплений: 12 на немецком, три на английском, одно на итальянском и два на латинском языках, что составляет 2,5 % от общего количества вкраплений. Однако характерной чертой использования им немецкого интертекста является многократное повторение отдельных цитат. Согласно классификации типов ИВ, предложенной Ю. Т. Листровой-Правдой [21, с. 24–26], в письмах Батюшкова преобладают полные иноязычные вкрапления, в письмах Жуковского полные и частичные, прослеживается тенденция фиксировать иноязычные слова по словообразовательной модели русского языка либо совмещать графику языка-источника и русского, например, «важное NB», «И что же теперь я должен писать вам вместо *postscriptum*'а?». Так, например, цитату из пролога «Фауста» Гёте «*Und manche liebe Schatten steigen auf*» Жуковский повторяет шесть раз. В-третьих, некоторые типы ИВ, используемые обоими авторами, вписываются в поэтику эпистолярной традиции «Арзамаса».

Список литературы

1. Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция: избранные труды. М., 2002. 496 с.
2. Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке – Русская литература на французском языке XVIII–XIX веков / вступ. статья Ю. М. Лотмана и В. Ю. Розенцвейга; биограф. очерки и комментарии Ю. М. Лотмана и В. Ю. Розенцвейга. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 36. Wien, 1994. С. 103–127.
3. Батюшков К. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Из записных книжек; письма / сост., подгот. текста, коммент. А. Л. Зорина. М., 1989. 719 с.
4. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. М., 2004. 608 с.
5. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. М., 2004. 768 с.
6. Батюшков: исследования и материалы: сб. науч. тр. / Череповец. Гос. ун-т, Гуманитар. ин-т, Череповец. район. обществ. организация «Батюшковское общество»; науч. ред. и сост. Р. М. Лазарчук. Череповец, 2002. 373 с.
7. Русский архив. Историко-литературный сборник. 1872. Вып. 9–12.
8. Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкий мир. М., СПб., 2015. 496 с.
9. Пильщиков И. А. Батюшков и литература Италии: филологические разыскания / под ред. М. И. Шапира. М., 2003. 314 с.
10. Воробьев Ю. К. Латинский язык и отражение греко-римской мифологии в русской культуре XVIII века: автореф. дис. ... д-ра культурол. наук. М., 2000. 41 с. URL: <http://www.disscat.com/content/latinskii-yazyk-i-otrazhenie-greko-rimskoi-mifologii-v-russkoi-kulture-xviii-veka#ixzz4z5XDfsa6> (дата обращения: 15.11.2017).
11. Кибальник С. А. Афинская звезда // Белые ночи. Очерки. Зарисовки. Воспоминания. Документы. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42694.php> (дата обращения: 16.11.2017).
12. Письмо В. А. Жуковского к Н. И. Гнедичу // Оп. 2. № 95. Л. 14–15.
13. Никонова Н. Е. А. Дитрих, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский: новые факты русской тассианы // Сибирский филол. журнал. 2010. № 4. С. 30–38.
14. Письмо В. А. Жуковского к великой княгине Александре Федоровне // РНБ РА. 1874. Т. 1. С. 74–81.
15. Янушкевич А. С. Горная философия в пространстве русского романтизма (В. А. Жуковский – М. Ю. Лермонтов – Ф. И. Тютчев). Жуковский и время: сб. ст. Томск, 2007. С. 133–161.
16. Реморова Н. Б. В. А. Жуковский и немецкие просветители. Томск, 1989. 285 с.
17. Майков Л. Н. Константин Батюшков, его жизнь и литературная деятельность. URL: http://dugward.ru/library/batushov/maykov_In_batushkov.html (дата обращения: 16.11.2017).
18. Барбачаков А. С. Потенциальная парадигма В. А. Жуковского и идейно-образный мир «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока // Проблемы метода и жанра. 1994. Вып. 18. С. 20–37.

19. Никонова Н. Е. Национальная литература на иностранном языке: о корпусе немецких автопереводов В. А. Жуковского и их восприятии в России и за рубежом // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 103–127.
20. Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Ч. 2. С. 140–203.
21. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986. С. 24–26.

Вишнякова Екатерина Андреевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 34, Томск, Россия, 634050). E-mail: ekaterina.vishniakova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 27.11.2017

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-92-99

REVISITING FOREIGN INCLUSIONS IN EPISTLE OF THE 19TH CENTURY RUSSIAN AUTHORS: KONSTANTIN BATUYSHKOV AND VASILY ZHUKOVSKY

E. A. Vishnyakova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

The task of this work is to identify the features of foreign inclusions in the letters of the Romantic poets. Foreign inclusions in their correspondence are an important characteristic of poetics, which until now has not attracted special attention of researchers. The purpose of the paper is to identify and compare foreign inclusions in the epistolary prose of Vasily Zhukovsky and Konstantin Batuyshkov in the context of biography and literary creativity of the authors. It is concluded that Batuyshkov uses primarily Latin and Italian inclusions to incorporate intertexts of Romance culture, for self-identification and authentication of the correspondence partner; in the dialogue of the poet with Nikolay Gnedich these inclusions form a special communicative code. In the ego-documents of Vasily Zhukovsky German inclusions predominate and play a similar role, expressing the most important philosophical and aesthetic concepts of the Romanticism. The analysis of foreign inclusions in the epistle of Batuyshkov and Zhukovsky allows expanding significantly the notion of the language biography of these authors. The results confirm the hypothesis that a particular author prefers certain foreign literature. Batuyshkov's letters represent full type of foreign inclusions, Zhukovsky's letters represent full and partial types, he tends to fix foreign words on the derivational model of the Russian language, or to combine the graphics of the source language and Russian. Some types of foreign inclusions, used by both authors, fit into the poetics of the epistolary tradition of the Arzamas society.

Key words: *foreign inclusions, ego-documents, letters, Konstantin Batuyshkov, Vasily Zhukovsky, multilingualism of Russian literature.*

References

1. Tynyanov Yu. N. *Literaturnaya evolyutsiya: izbrannyye trudy* [Literary evolution: selected works]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 496 p. (in Russian).
2. Lotman Yu. M. *Russkaya literatura na frantsuzskom yazyke* [Russian literature in the French language]. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 36. Wien, 1994. 545 p. (in Russian).
3. Batuyshkov K. N. *Sochineniya: v 2 t.* [Works in two volumes]. Volume 2. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 719 p. (in Russian).
4. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem.* T. 13. Dnevniky. Pis'ma-dnevniky. Zapisnyye knizhki. 1804–1833 gg. [Complete works and letters. Vol. 13: Diaries. Letters-diaries. Notebooks. 1804–1833]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 608 p. (in Russian).
5. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem.* T. 14. Dnevniky. Pis'ma-dnevniky. Zapisnyye knizhki. 1834–1847 gg. [Complete works and letters. Vol. 14: Diaries. Letters-diaries. Notebooks. 1834–1847]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 768 p. (in Russian).
6. *Batuyshkov: issledovaniya i materialy; sb. nauch. tr.* [Batuyshkov: research and materials: collection of research works. Scientific editor and compiler R. M. Lazarchuk]. Cherepovets, 2002. 373 p. (in Russian).
7. *Russkiy arkhiv. Istoriko-literaturnyy sbornik* [Russian archive. Historical-literary collection]. 1872. Edition 9–12 (in Russian).
8. Nikonova N. E. V. A. *Zhukovskiy i nemetskiy mir* [V. A. Zhukovsky and German world]. Moscow, Saint-Petersburg, Al'yans Arkheo Publ., 2015. 496 p. (in Russian).
9. Pil'shchikov I. A. *Batuyshkov i literatura Italii: Filologicheskiye razyskaniya* [Batuyshkov and Italian literature: Philological research]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 314 p. (in Russian).
10. Vorob'ev Yu. K. *Latinskiy yazyk i otrazheniye greko-rimskoy mifologii v russkoy kul'ture XVIII veka.* Avtoref. dis. dokt. kul'turoi. nauk [Latin language and reflection of Graeco-Roman mythology in Russian culture of 18 century. Diss. doct. of cult. sci.]. Moscow, 2000 (in Russian). URL: <http://www.disscat.com/content/latinskii-yazyk-i-otrazhenie-greko-rimskoi-mifologii-v-russkoi-kulture-xviii-veka#ixzz4z5XDfsa6> (accessed 15 November 2017).

11. Kibal'nik S. A. *Afinskaya zvezda* [Athenian star]. Belyye nochi. Ocherki. Zarisovki. Vospominaniya. Dokumenty [White Nights. Essays. Sketches. Memories. Documentation] (in Russian). URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42694.php> (accessed 16 November 2017).
12. *Pis'mo V. A. Zhukovskogo k N. I. Gnedichu* [Letter of V. A. Zhukovsky to K. I. Gnedich]. Inventory 2. No. 95. L. 14–15 (in Russian).
13. Nikonova N. E. A. Ditrikh, K. N. Batyushkov, V. A. Zhukovskiy: novyye fakty russkoy tassiany [A. Ditrikh, K. N. Batyushkov, V. A. Zhukovskiy: new facts about Tasso reception in Russia]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2010, no. 4, pp. 30–38 (in Russian).
14. *Pis'mo V. A. Zhukovskogo k velikoy knyagine Aleksandre Fedorovne* [Letter of V. A. Zhukovsky to great princess Aleksandra Fedorovna]. Russian archive. Vol. 1. 1874. Pp. 74–81 (in Russian).
15. Yanushkevich A. S. *Gornaya filosofiya v prostranstve russkogo romantizma (V. A. Zhukovskiy – M. Yu. Lermontov – F. I. Tyutchev)* [Mountain philosophy in the space of Russian romanticism (V. A. Zhukovskiy – M. Yu. Lermontov – F. I. Tyutchev)]. *Zhukovskiy i vremya: sb. st. [Zhukovsky and time: collection of articles]*. Tomsk, TSU Publ., 2007. 360 p. (in Russian).
16. Remorova N. B. *V. A. Zhukovskiy i nemetskiye prosvetiteli* [V. A. Zhukovsky and German enlighteners]. Tomsk, TSU Publ., 1989. 285 p. (in Russian).
17. Maykov L. N. *Konstantin Batyushkov, ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [Konstantin Batyushkov, his life and literary activity] (in Russian). URL: http://dugward.ru/library/batushov/maykov_In_batushkov.html (accessed 16 November 2017).
18. Barbachakov A. S. Potentsial'naya paradigma V. A. Zhukovskogo i ideyno-obraznyy mir "Stikhov o Prekrasnoy Dame" A. Bloka [Potential paradigm of V. A. Zhukovsky and ideas and images in "Poems about Beautiful Lady" by A. Blok]. *Problemy metoda i zhanra – Issues of method and genre*, 1994, vol. 18, pp. 20–37 (in Russian).
19. Nikonova N. E. Natsional'naya literatura na inostrannom yazyke: o korpuse nemetskiikh avtoperevodov V. A. Zhukovskogo i ikh vospriyatii v Rosii i za rubezhom [National literature in a foreign language: V.A. Zhukovsky's corpus of German self-translations and their reception in Russia and abroad]. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*, 2016, no. 1 (5), pp. 103–127 (in Russian).
20. Yanushkevich A. S. *Nemetskaya estetika v biblioteke V. A. Zhukovskogo* [German aesthetics in V. A. Zhukovsky's library]. *Biblioteka V. A. Zhukovskogo* [Library of V. A. Zhukovsky in Tomsk]. Tomsk, TSU Publ., 1984. Part 2. 646 p. (in Russian).
21. Listrova-Pravda Yu. T. *Otbor i upotrebleniye inoyazychnykh vkrapleniy v russkoy literaturnoy rechi XIX veka* [Selection and usage of foreign inclusions in Russian literary speech of the 19 century]. Voronezh, 1986. Pp. 24–26 (in Russian).

Vishnyakova E. A., National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 34, Tomsk, Russian Federation).
E-mail: ekaterina.vishniakova@mail.ru